

Утром в первый день Нового года Чжоу Цзыцянь взял с собой двух племянников, чтобы поздравить деда с праздником. В семье Чжоу было много правил, и они строго придерживались старых традиций. Поздравляя старших, нужно было преклонить колени и поклониться до земли. Чжоу Цзыцянь, поклонившись, отошел в сторону, а внуки, закончив поклоны, получили щедрые красные конверты. Затем настала очередь слуг поздравлять хозяев. Старик всегда относился к подчиненным щедро, и красные конверты для прислуги тоже были немалыми. Все были довольны и радостны.

После того как свои поздравили, начали понемногу приходить родственники и друзья. Старику и Чжоу Цзыцяню предстояло принимать гостей. Чжоу Юньян тоже должен был бы присутствовать, но его положение было несколько неоднозначным. Хотя его и признали в семье Чжоу, он все же был незаконнорожденным. Его мать не имела официального статуса, и он сам был в таком же положении. Их статус был щекотливой темой, и семья Чжоу старалась не афишировать это, чтобы избежать пересудов. Младший господин Чжоу был слаб здоровьем и слишком мал, чтобы участвовать в суете, поэтому ему позволили остаться в стороне.

Е Тао, не имея дел, развлекался, читая книги из библиотеки старика. Устав от чтения, он подходил к окну, чтобы дать глазам отдохнуть, и наблюдал за людьми, снующими туда-сюда. Иногда он звонил в столицу, чтобы узнать, ведет ли себя его кот хорошо и не шалит ли.

Баобао хотел поехать с ними в Хуэйчжоу, но Чжоу Цзыцянь был против. Е Тао не умел устраивать истерики и капризничать, и его попытки уговорить Чжоу Цзыцяня взять кота в дальнюю поездку потерпели неудачу. В итоге Баобао остался в столице присматривать за домом. Из-за этого Баобао устроил скандал, а после отъезда Е Тао и Чжоу Цзыцяня даже объявил голодовку. Промучившись от голода и головокружения, он в итоге съел целую рыбу на пару, после чего страдал от переедания, и никто даже не помог ему помассировать живот, чтобы облегчить пищеварение. Какая же это была жалкая картина?

В этот полдень вернувшийся на работу Сяо Чэн получил звонок от Е Тао. Сяо Чэн, уклоняясь от подробностей, сказал:

— Он ведет себя хорошо, не убегает.

Е Тао ответил:

— Говори правду.

Сяо Чэн смущенно признался:

— Он действительно не убегает, но постоянно, когда никто не видит, устраивает беспорядок. То поцарапает простыню, то разобьет тарелку, а то и вовсе справляет нужду где попало. Если его ругаешь, он упирается и кричит, будто спорит.

Е Тао подумал: «Он действительно спорит, а после спора заставляет тебя замолчать».

Талантливый человек всегда занят, и Чжоу Цзыцянь был именно таким. После того как они съели пельмени на пятый день праздника, Чжоу Цзыцянь заговорил с отцом о возвращении в столицу. Он планировал отправиться в путь на шестой день, отдохнуть на седьмой, а затем трудолюбивый директор Чжоу должен был вернуться к работе.

Концерн «Гуаньюй» был слишком велик, и хотя старик Чжоу отошел от дел, его старые соратники остались на своих местах. Чжоу Цзыцянь, несмотря на молодость, занимал высокую должность, и отсутствие усердия и дисциплины могло вызвать пересуды. Старик Чжоу не

позволил бы своему сыну пренебрегать обязанностями.

Если бы речь шла только о Чжоу Цзыцяне, старик бы не стал его задерживать. Но Чжоу Цзыцянь взял с собой Е Тао, и это вызвало у старика сомнения. Е Тао пробыл здесь меньше двух недель, из которых почти десять дней болел, и до сих пор не полностью восстановился. Старик опасался, что внук не выдержит нагрузку и снова заболеет.

Старик предложил Чжоу Цзыцяню и Чжоу Юньяну вернуться, а Е Тао оставить пожить подольше. Чжоу Цзыцянь, ссылаясь на то, что в лекарствах Е Тао есть несколько редких компонентов, а местные врачи не знают его состояния, вежливо отказался. Старик не придал этому значения:

— Тогда пусть врач приедет с лекарствами.

Чжоу Цзыцянь взглянул на Е Тао и наконец с горькой улыбкой признался:

— Я боюсь, что вы не сможете с ним справиться, если он будет делать все по-своему. Прошлой зимой он прожил у вас месяц, а потом постоянно просился на улицу, отказывался принимать лекарства, если не разрешали. Если вы проведете с ним месяц, потом мне придется три месяца его воспитывать. Я не могу позволить вам с ним остаться.

Е Тао тихо пробормотал:

— Ты же обещал не жаловаться на меня, почему ты нарушаешь слово?

Обычно строгий старик Чжоу рассмеялся:

— Глупый мальчик, зачем ты сам во всем признался? Теперь даже моя вина как деда подтвердилась. Как я могу тебя оставить?

Е Тао открыл рот, словно хотел что-то сказать, но не смог, и с облегчением вздохнул.

Отец и сын снова обсудили вопрос о том, останется ли Е Тао, и в итоге решили, что они поедут вместе. Возвращение в столицу отложили до десятого числа, чтобы Е Тао мог еще немного подлечиться и набраться сил перед дорогой.

К седьмому дню Нового года гостей, приходивших в дом, наконец стало меньше, и Чжоу Цзыцянь мог бы провести пару спокойных дней. Но старик не терпел безделья и дал новое задание — на этот раз нужно было пойти с поздравлениями. Те, кому достаточно было просто отправить подарки, уже были охвачены управляющим, а Чжоу Цзыцянь должен был посетить тех, кому нужно было поздравить лично — близких друзей и родственников.

Сегодня Чжоу Цзыцянь должен был посетить семью Гуань. Глава семьи, Гуань Цзиньжун, был близким другом старика Чжоу. Он занимался бизнесом, но его отец и братья имели связи в армии и правительстве, что делало его важным человеком.

Гуань Цзиньжун был старше Чжоу Цзыцяня, ему было около сорока, но он уделял большое внимание своему здоровью и выглядел лет на тридцать. Его манеры были изысканными и спокойными, он был человеком с харизмой. Однако личная жизнь этого успешного мужчины не складывалась: два брака закончились разводом, и у него не было детей. Он усыновил шестнадцатилетнего мальчика, который, как говорили, спас ему жизнь, и хотя они не были связаны кровными узами, их отношения были очень теплыми.

Гуань Цзиньжун редко оставлял гостей, но у него были близкие отношения с стариком Чжоу, и Чжоу Цзыцянь, представляя отца, не мог быть обойден вниманием. Его пригласили остаться на обед, и за столом Чжоу Цзыцянь выпил немного вина. Когда он вышел из дома Гуань Цзиньжуна, было уже поздно, и он не стал посещать вторую семью, которую планировал. Из-за этого он вернулся домой уже около трех часов дня.

Старик Чжоу занимался каллиграфией в кабинете, и Чжоу Цзыцянь сначала поздоровался с отцом, а затем, не задерживаясь, поднялся наверх. Е Тао, независимо от времени года, всегда спал днем, а когда чувствовал себя плохо, ночью спал плохо, и днем его клонило в сон еще сильнее. Чжоу Цзыцянь не знал, проснулся ли племянник, и старался идти тихо. Положив руку на ручку двери, он услышал приглушенные голоса из комнаты. Возмущенный и сердитый тон заставил его резко остановиться.

Е Тао уже некоторое время был на ногах и, увидев, что на улице солнечно и тепло, решил выйти в сад подышать воздухом. Однако, едва он вышел из комнаты, как встретил возвращавшегося с улицы Чжоу Юньяна. Они давно уже не конфликтовали, и обычно, встретившись, просто обменивались приветствиями или кивками и расходились. Но сегодня все было иначе, или, скорее, настроение Чжоу Юньяна в праздничные дни отличалось от обычного. В то время как другие радовались Новому году, он каждый год чувствовал себя подавленным и раздраженным.

Хотя Чжоу Юньян носил титул младшего господина семьи Чжоу, и слуги, встречая его, называли его «молодым господином Юньяном», его статус незаконнорожденного был щекотливой темой. Семья Чжоу всегда старалась не акцентировать внимание на его существовании, и когда приходили гости, он даже не мог сесть за стол. Сегодня снова произошло подобное. Чжоу Юньян был более терпеливым, чем его сверстники, но терпение и безразличие — это разные вещи. Когда терпение заканчивается, наступает момент, когда больше нельзя терпеть. Он не мог выплеснуть свои эмоции прилюдно, поэтому отправился на улицу, чтобы выпустить пар.

Чжоу Юньян вернулся навеселе, и ему следовало бы постараться не беспокоить домочадцев, тихо вернуться в свою комнату и отдохнуть. Но, увидев, как Е Тао равнодушно кивнул ему и хотел пройти мимо, он внезапно почувствовал прилив гнева и невольно остановил его.

Они оба были детьми отца, так почему же он окружен любовью и заботой, а другой живет в постоянных лишениях? Почему, после того как он его задел, он бросил фразу: «Давай будем братьями», и все закончилось, оставив его одного с сожалением и негодованием? Почему все несправедливости и недостатки достались ему?!

Они и так не находили общего языка, а Чжоу Юньян был пьян, и Е Тао не хотел с ним спорить. Когда Чжоу Юньян преградил ему путь, он повернулся и хотел уйти, но не успел запереть дверь, как Чжоу Юньян ворвался в комнату.

— Неужели, что бы я ни делал, ты никогда не простишь меня? — с горечью и злостью в голосе спросил Чжоу Юньян.

Негодование из-за разрыва с любимым человеком, недовольство семьей Чжоу и долго копившееся раздражение словно подожгли его изнутри. Его глаза покраснели, он крепко схватил Е Тао за руку, не давая ему вырваться.

— Успокойся, если дед узнает, нам обоим несдобровать, — сказал Е Тао, чувствуя боль от захвата.

Он был слаб физически и никак не мог освободиться. Его и без того бледное лицо стало совсем белым от боли, но он не мог кричать и не мог провоцировать Чжоу Юньяна. Он только терпел и уговаривал, надеясь, что пьяный Чжоу Юньян остынет.

<http://bllate.org/book/17687/1650209>